

12+

Александр Ванин

Истории одного города...

Александр Ванин

Истории одного города...

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Александр Ванин

Истории одного города... / Александр Ванин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Прочитав собранные в данной книге истории, вы сможете хотя бы на миг ощутить всю боль и страх пережитый матерью разделенных сыновей, а может, всего лишь на мгновение испытаете безграничную любовь Катеньки или откровенный шок блогера Маркиза... Откроете для себя не оставляющие никого равнодушными чувства.

© Александр Ванин, 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Мать

Невольно содрогаясь при каждом залпе орудий, рассекающем прохладу сентябрьского утра, по грунтовой тропе, извивающейся чёрной коброй между разбитой асфальтной дорогой и сельским дворами, шла сутулая фигура. Двигалась она быстрее обычного, часто опираясь на трость, больше напоминающего изогнутую сухую ветку, которую держала в правой руке и изредка останавливалась на несколько мгновений, по-видимому, чтобы перевести дыхание.

Непроглядная тьма минувшей ночи спешно скрывалась за горизонтом, оставляя после себя безоблачную серую гладь. И хотя запоздалые солнечные лучи все ещё путались в дебрях старинного фруктового сада, возвышающегося на холме в восточной части селенья, их света все же хватало, чтобы украсить остатки мрачной вуали буро-красным оперением.

Стекающие в соседний яр клубы молочного тумана словно волны стелились под ногами фигуры, вздымались при каждом взмахе все той же трости.

– Доброго вам утра, тетя Клава! – радужно обратилась к фигуре рыжеволосая женщина, внезапно выглянув из-за штaketного забора одного из домов. – И куда это вы так спешите?

На несколько шагов фигура сбросила темп, обернувшись на голос, однако передумав, двинулась дальше, поразив рыжеволосую холодным, бесчувственным выражением лица.

– Неужели и вы нас покидаете? – вдогонку выкрикнула та, но не получив ответа, так же внезапно скрылась за забором что-то ворча себе под нос.

Удаляющуюся фигуру действительно звали тётей Клавой или привычней для односельчан и жителей соседних селений – Клавдией Ивановной Гулько. Эта пожилая учительница, посветившая жизнь просвещению сельской детворы, всегда старалась привить ученикам не только любовь к собственному предмету, а именно к истории, но и такие человеческие качества, как отзывчивость, приветливость и доброта. Вот только теперь она и сама о них позабыла. Измученная ночным кошмаром, старуха едва дождалась рассвета и тут же засобиравшись в церковь, потому как иного избавления от странного, прежде не ведомого ей предчувствия чего-то ужасного, она не видела.

Наконец, за чередой дворов, в тени вышеупомянутого сада, у подножия которого стояла небольшая церквушка, показался православный крест. Заметив его, учительница снова ускорила шаг, как будто опаздывала на службу и больше не останавливалась не на секунду, пока не достигла кованой ограды церковного двора, с декоративными золотистыми фигурами ангелов на ней. Прислонившись к прохладному металлу, она долго переводила дыхание, прислушиваясь к учащенным ударам собственного сердца.

Когда же дышать стало легче, а сердце практически выровняло свой ритм, она поправила цветастый платок, скрывающий белоснежную селену волос и перекрестившись, ступила за ворота. Внутренний двор, как она и предполагала, действительно был пуст. Ни голосов, ни даже пения птиц в нем не слышалось, как впрочем и в последние несколько месяцев, после того, как батюшка, сославшись на плохое самочувствие, покинул родную обитель, оставив ключи в дверном замке и несколько икон на иконостасе. Вслед за ним стали редеть ряды прихожан – местных жителей, по крайней мере тех, кому было куда уехать.

Провернув ключ, Клавдия Ивановна толкнула тяжелые двери, которые хоть с трудом, но все-таки поддались её натиску. Открывающийся полумрак, тут же встретил её приятным ароматом восковых свечей, давно пропитавшим стены помещения. Оглянув запустевшее здание, она снова перекрестилась и решительно вошла внутрь.

Ни секунды не гадая старушка направилась к иконостасу, скрывающему алтарь. Здесь, перед ликами Спасителя и Пресвятой Богородицы, она зажгла лампадки и долго крестилась, взирая на них так, как смотрит утопающий на виднеющейся вдалеке остров. Однако ужасные

предчувствия никак не хотели покидать её и она, приблизившись к иконе Богородицы, опустилась перед ней на колени и отложив палку-трость в сторону приклонилась к полу головой.

– Пресвятая Богородица, Пречистая Дева Мария, – шептала старуха не отрываясь от пола, – велика милость Твоя в Царствии Божьем и на земле нашей грешной. Прошу Тебя, услышь молитву мою: Прости меня, Пресвятая Дева, за грехи мои ведомые и неведомые и если будет на то воля Твоя, прошу, избави... – но тут она запнулась, услышав шорох позади себя. Постепенно он перерос в неуверенные шаги, которые доносились всё отчетливее и отчетливее, пока не стихли прямо за её спиной.

Онемевшая от страха, Клавдия Ивановна выровняла спину, но не подняться, не обернуться так и не решилась.

– Мама! Мама, это вы? – поинтересовался мужской голос позади неё, от легкой хрипоты которого тело старухи и вовсе обмякло, – Это же я, ваш сын Андрей.

Робко оглянувшись, словно боясь увидеть призрака, Клавдия Ивановна застыла в изумлении, увидев перед собой размытую полумраком мужскую фигуру, так сильно напоминающую её младшего сына. В её голове крутилась одна и та же мысль: " Не может быть..."

– Не бойтесь, Мама, – заметив её неуверенность, сказал Андрей и склонившись перед ней на колени повторил: – Это я... Я...

В редком отблеске света, спадающего с небольших окон, расположенных у самого купола, она сумела разглядеть бездонную зелень родных глаз, полную любви и нежности. В этот же миг старуха оттаяла и тихо протянула:

– Сынок...

С облегчением вздохнув, Андрей поднялся сам и поднял мать на ноги.

Где-то в далеке всё ещё стреляли из орудий, оглушая бескрайние степи пугающим эхом, а совсем рядом, пробудившись, село наполнилось пеньем петухов и лаем собак. Возможно, даже солнце наконец возвысилось над фруктовым садом, только вот им теперь все это было безразлично. Они так и стояли бездвижно у иконостаса с зажжёнными лампадками и наслаждались долгожданной встречей пропитанной тысячью несказанных слов. Старуха-мать, склонив голову на грудь сыну, едва слышно всхлипывала, а он, нежно обняв её, глядел куда-то вдаль, сквозь полумрак и толстые церковные стены.

– Но как же ты тут? – прервав затишье, поинтересовалась Клавдия Ивановна. – Как сумел пройти? Ведь вокруг, Бог знает, что творится!

– Mamочka! Это настоящее чудо! После стольких попыток созвониться с вами или приехать хоть весточку я наконец сумел не только добраться к вам, но и добраться на машине. – Хитро улыбнувшись, признался Андрей. – Хорошо, что есть ещё добрые люди, которые сумели найти лазейку. Ну как вы тут? Как здоровье? Что с домом?

– Ой, сыночек, ты так не спеши. Давай лучше ты мне расскажешь о себе. А я пока послушаю, приду в себя. Тяжело уже твоей матери даются такие внезапные встречи.

– Да что мне рассказывать... Все хорошо, все живы – здоровы... Очень ждут встречи.

– Встречи? – переспросила старуха, немного отстранившись от сына.

– Ну конечно, мамочка. Я же за вами приехал.

– За мной? – снова переспросила старуха, как будто не слышала с первого раза. В одно мгновение радостный блеск её глаз сменился глубокой печалью. Наклонившись, она подняла без дела валявшуюся трость и опершись на неё с трудом выдавила из себя: – Я никуда не поеду, сынок. Не стоило тебе приезжать.

– Но почему? – возмутился Андрей, поражённый резкостью её слов.

– Потому, что я не могу бросить дом, в котором прожила всю жизнь.

– А что тут бросать... старую мебель и пять курей?

– Дело не в курах, Андриюшенька. Это мой дом и я не позволю растащить по дворам все, что я собирала и строила всю жизнь.

– Ой, мама! Поймите, сейчас не до ваших принципов. Ещё несколько дней и война доберётся и сюда. Вам нельзя оставаться!

– Прошу тебя, – виновато пряча глаза, вымолвила старуха, – хватит об этом...

– Господи! Мама! Да что с вами? – вновь приблизившись, спросил Андрей, взяв её за ладони. – Почему вы не хотите меня послушать?

Его ладони были крепкие, но она все же чувствовала их дрожь. И хотя ей было больно смотреть ему в глаза, Клавдия Ивановна всё-таки не сдержалась – таким разбитым и растерянным, она ещё не видела своего сына.

– Прошу тебя, сынок, уезжай... – сквозь ком в горле прошептала она.

– Если вы останетесь, то и я тоже...

– А как же семья? Как им жить?

– Но, ведь вы тоже моя семья... – вложив все своё отчаяние в слова, ответил Андрей.

Не видя иного выхода, Клавдия Ивановна все же решилась признаться. Сдерживая волнение и собственную дрожь, она старалась говорить как можно убедительней, без слёз:

– Пойми, сынок. Если я поеду с тобой, то придам Федю, который так же предлагал к нему переехать, а он для меня такой же сын, как и ты... Пусть даже вы совсем разные...

– Тогда поезжайте к нему, – перебил её Андрей, обрадовавшись появившемуся выходу из тупика, – я все пойму, лишь бы вы были в безопасности. – однако заметив сомнения в её взгляде, тут же добавил, – я пойму, мама. Честно.

Старуха опустила глаза, словно пытаясь отыскать нужные снова на пыльном каменном полу. Молчание вновь наполнило стены церкви, но ненадолго. Спустя несколько секунд, которые Андрею показались вечностью, она все же сказала с такой горечью в голосе, что его ладони ослабли сами по себе и руки безвольно повисли в воздухе: – но если я уеду к нему, то потеряю даже надежду увидеть тебя и внуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.